

Своєї долі не оминеш, бо вона – від Бога. Не можна не радіти з того приводу, що поет, який свою творчість присвячує відродженню християнської України, таки дочекався прямого зв'язку з його шанувальниками. Прикладом і доказом цього є і сьогоднішня зустріч з Поетом. Нехай же Господь сторицею віддячить всім, хто творить поезію, що наче повітря потрібна Україні.

Марковець Л. Н. (г. Мариуполь)

**ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПСИХОЛОГА.
«КОНТРАПУНКТ». IMPRESSION**

*Сравнения –
ярки и неистовы
Эпитеты – куда там
Этикеты!
Метафоры созданы, а, вернее,
выпестованы
Без всякого почтения
к этикету!*

Ета стаття – дань восхищения большим Поэтом Валентином Алексеевичем Моляко и преклонение перед его талантом. В ней я попытался определить место творчества Валентина Алексеевича в современной картине мира и, естественно, психологическую составляющую его таланта, проявившуюся в этой грани его творчества.

Написал эти строки, и в памяти всплыло стихотворение Ф. Кривина, которое, думаю, здесь будет к месту процитировать:

Не знает легкой участи ТАЛАНТ. Когда ТАЛАНТ в работе, он – АТЛАНТ.

Когда ж спадает творческий накал, он мучится, страдает, он – ТАНТАЛ.

Из тех же букв, из тех же самых букв он создан для блаженства и для мук. [1].

Первое впечатление, которое возникает при знакомстве с творчеством Валентина Алексеевича – оно органически вплетено в ткань мировой поэтической реальности. Его произведения настолько многогранны, что резонируют с творчеством каждого большого Поэта. Автор не увлекается «техническими конструкциями» стихосложения. Он просто слагает гимн жизни как поэт и как психолог. Великолепный симбиоз – мироощущение поэта и мировоззрение психолога.

Если освежить в памяти произведения тех поэтов, которые звучат в унисон с произведениями Валентина Алексеевича, то становится понятно, что их объединяет в одной сфере поэтического мира не близость эпитетов или метафор, не стилевые особенности, а смыслообразующая составляющая. Кажется К. Марксу (увы, не берусь утверждать категорически), принадлежат слова о том, что понятие прогресса в искусстве – понятие относительное. Ну что ж, для XIX века это высказывание, может быть, и было в какой-то мере справедливым, но уж во всяком случае не для века XXI. И если взять, например, известные строчки из Уолта Уитмена и в контрапункт к ним рассмотреть стихи Валентина Алексеевича, то мы сразу же сможем убедиться в справедливости этого утверждения.

Так, у У. Уитмена звучит:

Одного я пою, всякую простую отдельную личность,
Жизнь, безмерную в страсти, в биении, в силе,
Радостную, созданную чудесным законом для самых свободных деяний,
Человека Новых Времен я пою.

Я вместил в себе целый мир, предметы зримые и незримые,
Таинственный океан, в который впадают реки,
Пророческий дух материи, сверкающий вокруг меня,
Живые существа и тождества, о которых мы не ведаем,
им несть числа, они рядом

Связь с ними я ощущаю ежедневно и ежечасно,

Связь с явлениями существующими и теми, которые должны появиться,
требовательно они ждут от меня чего-то [2].

И, как отклик, у В. А. Моляко:

У человека нету выходных, обеденного перерыва нет, и даже нет пятиминутки
для производственной гимнастики. – Каждый день, каждый час, каждую минуту
человек должен быть Человеком [3].

Радость У. Уитмена, вызванная пониманием того, что человеком можно
просто восхищаться в силу самого факта его существования на Земле. И гордость
нашего современника за Человека который созидая мир, создаёт и сохраняет себя
Человеком в этом мире.

Для Валентина Алексеевича в мире всегда есть место сказке:

У собак были фиолетовые глаза, у кошек сиреневая шерсть.

В теремок превратился вокзал. И в музыку гомон весь.

Посыпалось звездное конфетти прямо на город вечерний.

И оказалось: луна летит, а то, что плывет – неверно.

Вылез на крышу голубой крокодил и антенну телевизора съел...

Это звучит как продолжение тех сказок, которые зазвучали ещё в веке два-
дцатом под гитару А. Городницкого:

Атлантических волн паутина и страницы прочитанных книг...

Под водою лежит Атлантида – голубого огня материк.

А над ней пароходы и ветер, стаи рыб проплывают над ней.

Разве сказки нужны только детям?! Сказки взрослым гораздо нужней.

Век двадцатый, войною палимый, – смерть прикинется теплым дождем...

Кто нам скажет, откуда пришли мы? Кто нам скажет, куда мы уйдем?

Кто сегодня нам сможет ответить, Сколько жить нам столетий и дней?

Разве сказки нужны только детям?! Сказки взрослым гораздо нужней [4].

В современном поэтическом пространстве почти не осталось авторов
такого масштаба, о которых Е. Евтушенко говорил: «Поэт в России больше,
чем поэт». Разумеется, Лариса Рубальская – талантливая поэтесса, в чём-то
даже и интересная. Но масштаб дарования, как и масштаб тем... Да, и не на-
точенным ножам сопереживать как-то не тянет. А ведь это одна из наиболее
значительных величин в современной поэзии.

В плане гражданской ответственности поэта к В. А. Моляко наиболее бли-
зок, как мне кажется, Игорь Губерман. Даже эмигрировав в Израиль, он продо-
лжает жить проблемами своего Отечества и переживать его боли. Верно сказано
«Все мы родом из детства». Стоит только попытаться найти контрапункт его
творчества и творчества Валентина Алексеевича и мы его обнаружим:

***А кроме житейских утех, негромко напомнит мне Бог, ещё ты в
ответе за тех, кому хоть однажды помог.

*** Анахорет и нелюдим и боязливец неудачи приходит цел и невредим к покойной старости собачей.

*** Безгрешность в чистом виде – шелуха, от жизненного смысла холостая, ведь нравственность, не знавшая греха – всего лишь неудачливость простая.

*** В мире всё расписано по нотам, гаммы эти вовсе не сложны: служат мысли умных идиотам, ибо только им они нужны.

*** В мире царствуют вездесущие, жарко щерящие пасть власть имевшие, власть имущие и хотящие эту власть.

*** В морали, это знает каждый, нужна лишь первая оплошка; нельзя терять невинность дважды или беременеть немножко.

*** В прошлом были те же соль и мыло, хлеб, вино и запах тополей; в прошлом только будущее было радужней, надёжней и светлей [5].

Философским контрапунктом творчеству Валентина Алексеевича звучат стихи целого ряда поэтов – они как бы очерчивают ту сферу значений, которая значима и для него. Просто сравним:

Ф. Кривин:

Не троньте, не троньте его кругов, не троньте кругов Архимеда! – Кругов? Улыбнулся один из врагов. Он мудрости этой не ведал. Быть может, нужна эта мудрость другим, солдату ж она – обуза. Ему повелел блистательный Рим, и он пришёл в Сиракузы. Он шёл, пожиная плоды побед, на зависть сынам и внукам. И вдруг незнакомый ему Архимед с какой-то своей наукой. – К чему говорить о таком пустяке? – легат восклицает с улыбкой, – ты строишь расчёты свои на песке, на почве особенно зыбкой. – Сказал – и услышал ответ старика: – Солдат, вы меня извините, но мудрость жива и в зыбучих песках, а глупость мертва и в граните. – Я вижу ты мастер красивых слов, – легат завершил беседу, – старик, я не трону твоих кругов. Сказал – и убил Архимеда. История мчится на всех парах, свои у неё заботы, и вот Архимеды горят на кострах, восходят на эшафоты. Они, Архимеды, кладут кирпичи, другим оставляя победу, и ныне, как прежде, над миром звучит: "Не троньте кругов Архимеда!" [1].

Р. Рождественский:

Кто-то заплакал, кто-то заохал. Бодрые песни лезут из окон. И поговорка вновь торжествует: "Незаменимых не существует..." Трусы, герои, прачки, министры – всё заменимо. Все заменимы... Всё заменимо! Действуя чётко, сменим, давайте, Бога на чёрта, шило на мыло, пешку на пешку. (Это привычно и неизбежно.) Сменим, давайте, горы на поле. Зава на зама. Зама на пома. А панихиду – на именины. Всё заменимо. Все заменимы... Значит, напрасно крестили нас в загсах. Зря мы считали годы без засух. Зря утопали в пахоте вязкой. Бредили вязью старославянской. Зря мы пудовым кланялись щукам. Зря композитор тему нащупал. Зря архитектор кальку изводит. Зря над могилами матери воют. Зря нас дорога однажды сманила. Все заменимы. Всё заменимо!.. Я наполняю лёгкие гневом! Я вам клянусь пошатнувшимся небом: лжёт поговорка! Врёт поговорка!.. Незаменимо катится Волга. Незаменимы ветры над взморьем. Незаменимы Суздаль и Смольный. Незаменимы отсветы флага... Незаменима добрая фляга. Зёрна морошки. Тень от платана... Незаменим академик Ландау. Незаменима и окрылена резкость конструктора Королёва!.. Даже артисты цирков бродячих, даже стекольщик, даже жестянщик, кок, над которым не светятся нимбы, – незаменимы. Незаменимы... Каюсь, но я признаю неохотно, жизнь не окончится с нашим уходом.

Внуков, чей путь ещё даже не начат, незаменимые бабушки нянчат. Знаю: рождаются под Омском и Тулой в горной глуши, за сиреневой тундрой, – знаю: взойдут на асфальтовых нивах новые тысячи незаменимых! Незаменимых в деле и силе Незаменимых будто Россия. Пусть – знаменитых, незнаменитых – незаменимых. Незаменимых! [6].

С. Кирсанов:

Жил – был я. (стоит ли об этом?) Шторм бил в мол (молод был и мил...) В порт плыл флот (с выигрышным билетом) Жил-был я. (помнится, что жил.) Зной, дождь, гром, (мокрые бульвары...) Ночь. Свет глаз, (локон у плеча...) Шли всю ночь. (листья обрывали...) "Мы", ты", "я", нежно лепеча. Знал соль слёз, (пустоту постели...) Ночь без сна – (сердце без тепла). Гас как газ город опустелый, (взгляд без глаз, окна без стекла.) Где ж тот снег? (как скользили лыжи!) Где ж тот пляж? (с золотым песком!) Где ж тот лес? (с шепотом – "поближе") Где ж тот дождь? ("вместе, босиком!") Встань. Сбрось сон. (не смотри, не надо...) Сон не жизнь. (снилось и забыл.). Жил-был я в древних колоннадах. (жил-был я ...) Вспомнилось, что жил [7].

О. Мандельштам:

***Нерешительная рука эти вывела облака и печальный встречает взор отуманенный их узор. Недоволен стою и тих, я – создатель миров моих, где искусственны небеса и хрустальная спит роса...

***Невыразимая печаль открыла два огромных глаза, цветочная проснулась ваза и выплеснула свой хрусталь. Вся комната напоена истомой – сладкое лекарство! Такое маленькое царство так много поглотило сна. Немного красного вина, немного солнечного мая – и, тоненький бисквит ломая, тончайших пальцев белизна.

***Она ещё не родилась, она и музыка, и слово, и потому всего живого ненарушаемая связь. Спокойно дышат моря груди, но, как безумный, светел день,

и пены бледная сирень в чёрно-лазоревом сосуде. Да обретут мои уста первоначальную немоту, как кристаллическую ноту, что от рождения чиста! Омойся пеной, Афродита и слово в музыку вернись и сердце сердца устыдись с первоосновой жизни слито!

***Душный сумрак кроет ложе, Напряжённо дышит грудь... Может, мне всего дороже тонкий крест и тайный путь.

***Слух чуткий парус напрягает, расширенный пустеет взор, и тишину переплывает полночных птиц незвучный хор. Я так же беден, как природа, и также прост, как небеса, и призрачна моя свобода, как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный и небо мертвенной холста; твой мир, болезненный и странный, я принимаю, пустота! [8].

Басё:

***Ива склонилась и спит. И кажется мне, соловей на ветке – это её душа.

***Топ-топ – лошадка моя. Вижу себя на картине в просторе летних лугов.

***Далёкий зов кукушки напрасно прозвучал, ведь в наши дни перевелись поэты.

***К тебе на могилу принёс не лотоса гордые листья – пучок полевой травы.

***В тесной хибарке моей озарила все четыре угла луна, заглянув в окно.

***Послышится вдруг "шорх-шорх" В душе тоска – шевельнется бамбук в морозную ночь.

***Ворон-скиталец взгляни! Где гнездо твое старое – всюду сливы в цвету.

***Как свищет ветер осенний! Тогда лишь поймете мои стихи, Когда заночуете в поле.

***И осенью хочется жить этой бабочке: пьет торопливо с хризантемы росу [9].

Б. Пастернак:

***Во всём мне хочется дойти до самой сути. В работе, в поисках пути, в сердечной смуте. До сущности протекших дней, до их причины, до оснований, до корней, до сердцевины. Всё время схватывая нить судеб, событий, жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытья. О, если бы я только мог хотя б отчасти, я написал бы восемь строк о свойствах страсти. О беззаконьях, о грехах, бегах, погонях, нечаянностях впопыхах, локтях, ладонях. Я вывел бы её закон, её начало, и повторял её имён инициалы. Я б разбивал стихи, как сад, всей дрожью жилок. Цвели бы липы в них подряд, гуськом, в затылок. В стихи б я внёс дыханье роз, дыханье мяты, луга, осоку, сенокос, грозы раскаты. Так некогда Шопен вложил живое чудо фольварков, парков, роц, могил в свои этюды. Достигнутого торжества игра и мука – натянутая тетива тугого лука.

***Быть знаменитым некрасиво. Не это подымает ввысь. Не надо заводить архивы, над рукописями трястись. Цель творчества – самоотдача, а не шума, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех. Но надо жить без самозванства, так жить, чтобы, в конце концов, привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов. И надо оставлять пробелы в судьбе, а не среди бумаг, места и главы жизни целой, отчёркивая на полях. И окунаясь в неизвестность, и прятать в ней свои шаги, как прячется в тумане местность, когда в ней не видать ни зги. Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь, Но поражения от победы, ты сам не должен отличать. И должен ни единой долькой не отступаться от лица, Но быть живым, живым и только, Живым и только – до конца! [10].

И – взгляд Валентина Алексеевича

*** Смешны теперь слова былые, они и впрямь – слова, слова. А были дни, и дни такие – от них кружилась голова. И сердце просто замирало, когда душа рвалась в полет. Вот так – ни много, и ни мало, а нынче лед, на сердце – лед. И даже мысли льдом покрыты, и холод нестерпимо жжет. Слова? Ужель они забыты? Ужель слова совсем не з счет?! А как же слово – это дело? – философ спросит зло и смело.

***Была такая вот дорога: от Вас к тебе, к тебе, к тебе. Как было в этом смысла много, как воссияло все в судьбе. И вот, как молния, мгновенье, – и надо говорить: прощай... И я пишу стихотворенье – печаль в нем льется через край. Печалью нынче все покрыто – куда ни глянь – печаль, печаль. Как много смыслов в ней сокрыто, как расставаться с тобой жаль. И если вариантов нет, печальным станет белый свет.

*** Бьет ток твоих прикосновений, но это в памяти, а так воспоминания как тени, и оптимизм совсем иссяк. Сейчас, хотя бы на мгновенье, коснулось твоих рук тепло. Ужель спасение – забвенье, ужель все впрямь совсем прошло? Но как же с этим примириться, когда воспоминанье жжет. И сколько же он будет длиться, воспоминания полет? Но истины, увы, просты: и ты теперь уже не ты.

***Все тот же сон мне снова снится: как будто я опять с тобой, и наша встреча длится, длится, и нет, не снится нам покой. От сновиденья к сновиденью все ближе к истине, и вот всему конец, конец мгновенью, которое нас

разведет. И я пойду своей тропюю, а ты своей, а ты своей, туда же к вечному покою, к исходу этих наших дней.

Но в мыслях что-то прошептало: там, где конец, там и начало... [3].

Особо хотелось бы отметить тот «контрапункт», который существует в творчестве Валентина Алексеевича относительно тех моральных норм и ценностей, которые в последнее время, к сожалению, стремительно уходят из нашей общественной жизни.

Припомним события недавнего прошлого, происшедшие менее четверти века тому назад. 1985 год стал годом начала «демократизации» советского общества и годом конца его морали. Уже к началу девяностых годов педагоги и психологи с тревогой заговорили о том, что на волне всеобщей «американизации» общественного сознания происходило разрушение основных моральных норм и духовных ценностей. При опросах учащихся старших классов столичных школ было обнаружено, что для многих из старшеклассников престижной и желательной была «профессия» киллера (т.е. наёмного убийцы, парии и изгоя во всех традиционных обществах), а у старшеклассниц зависть вызывала «работа» путан (т.е. профессиональных проституток). Разумеется, немалую роль в формировании столь извращённых взглядов сыграли средства массовой информации, создавшие стереотип этих «героев нашего времени» в романтическом и героическом ореоле, однако без разрушения общественной морали влияние СМИ не было бы столь разрушительным.

Внедрение в общественное сознание универсального лозунга общества потребления «прибыль превыше всего» (без обязательной составляющей «...но честь превыше прибыли»), привело к его стремительной криминализации. В 8-10 раз с 1985 года возросло количество тяжких преступлений против личности (убийства, разбойные нападения), многократно возросла детская преступность, появились новые виды преступлений, ранее не известные («финансовые пирамиды», убийства из-за квартир и т.п.). Лично мне ещё в 2001 году пришлось столкнуться с серией групповых убийств, совершённых 14-летними подростками. Проводя обследования этих преступников в процессе осуществления судебно-психологических экспертиз, я обратил внимание на то, что все преступления, по сути, были безмотивны. Типичным объяснением совершённых злодеяний были: «Он (потерпевший) вызвал моё раздражение и я бил его, пока не прикончил», «Мне не понравилось, что она (убитая) меня обругала и я просто забил её ногами». Ни раскаяния, ни сожаления. Более того, подследственные гордились содеянным: у каждого из них на пальцах обеих рук уже был вытатуирован целый «букет» перстней, отражавший их «подвиги» – первоходка по малотеке, убийства, воровство, грабежи и т.п. Страшная ситуация – то, что в любом нормальном обществе однозначно рассматривается как смертный грех и оценивается как тяжкое преступление, в среде современных украинских тинэйджеров – предмет гордости и повод для обретения самоуважения.

Разумеется, не все подростки избирают для себя областью самоутверждения криминальную стезю, но и того, что есть вполне достаточно для того, чтобы нам объявить общенациональную тревогу. Можно сказать, что начиная с известных событий августа 1991 года, государство демонстративно отказалось от воспитательной функции по отношению к подрастающему поколению. Коммунистическая идеология, структурировавшая весь процесс воспитательной работы в школе, была ликвидирована за ненадобностью, вместо неё ничего цельного и внятного, по сути, предложено не было.

Крупной ошибкой со стороны государства в области народного образования явилось и то, что за последние несколько лет кардинально переписывалась история Украины (по крайней мере, тот её образ, который отражён в школьных учебниках). Тщательно, с любовью, выписано всё плохое, что было в истории Украины, и последовательно вымарано всё хорошее, чем она была славна. Тут к месту было бы вспомнить крылатое выражение: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в тебя из пушки». Нельзя оставлять молодое поколение без идеалов – а они формируются на протяжении всего исторического развития нации. Подобные эксперименты в истории, кстати, известны – гитлерюгенд в Германии и хунвейбины в Китае продемонстрировали всему миру, на что способна молодёжь, лишённая моральных принципов, ценностей и идеалов.

Манипуляция общественным сознанием, к сожалению, приняла на территории Украины весьма значительные размеры. Вера политикам, средствам массовой информации, официальным информационным органам среди основного народонаселения выражается в отрицательных величинах. Естественно, подобная ситуация, комментируемая на бытовом уровне следующим образом: «Политика-дело грязное» или «Рыба гниёт с головы», воспринимается отдельными членами общества как свидетельство того, что государство по сути своей является антиподом отдельной личности. При сложившихся обстоятельствах ныне даже самые верные и правильные утверждения, внедряемые в общественное сознание официальной пропагандой, будут восприняты с недоверием и предубеждением.

В этой ситуации, когда официальные институты воспитания и пропаганды начинают ощутимо проигрывать неофициальным институтам – пресловутой «улице», анархичной «блогосфере», «сетевым» сектам и тому подобным новациям, последний рубеж обороны морали и духовности – слово поэта. Здесь, я думаю, мы можем надеяться на силу духа таких мастеров слова, как Р. И. Рождественский, В. С. Высоцкий и В. А. Моляко.

Судите сами:

Р. Рождественский:

В катакомбах музея пылится пастушья свирель, бивень мамонта, зуб кашалота и прочие цацки... Человек! Ты послушай Царя терпеливых зверей. И прости, что слова мои будут звучать не по-царски. Я – последний из львов. Но пускай за меня говорят – лань в объятых капкана, ползучего смога громадность. И дельфинья семья, за которой неделю подряд с вертолёта охотился ты, чтоб рассеяться малость. Пусть тебе повстречается голубь, хлебнувший отрав, муравейник сожжённый, разрытые норы барсучьи, оглушённая сёмга, дрожащий от страха жираф, и подстреленный лебедь, и чайки - по горло в мазуте. Пусть они голосят, вопрошая карающий век. Пусть они стороною обходят любую машину. Ты – бесспорно – вершина природы, мой брат, человек. Только где и когда ты встречал без подножья вершину? Ты командуешь миром, пророчишь, стоишь у руля. Ты – хозяин. Мы спорить с тобой не хотим и не можем. Но без нас, – ты представь! – разве будет землёю земля? Но без нас, – ты пойми! – разве море останется морем? Будут жить на бетонном безмолвьи одни слизняки. Океан разольётся огромной протухшею лужей! Я тебя не пугаю, но очень уж сети крепки и растёт скорострельность твоих замечательных ружей. Всё твоё на планете! А нашего – нет ничего. Так устроена жизнь. Мы уже лишь на чучела сгожи. Зоопарки твои превосходны – да жаль одного: мы в твоих зоопарках давно на себя не похожи... Так уст-

роена жизнь. Мы поладить с тобой не смогли. Нашу поступь неслышную тихие сумерки спрячут. Мы уходим в историю этой печальной земли. Человецьи детёныши вспомнят о нас. И заплачут... Мы – пушистые глыбы тепла. Мы – живое зверьё. Может, правда, что день ото дня мир становится злее!.. Вот глядит на тебя поредевшее царство моё. Не мигая, глядит. И почти ни о чём не жалея. И совсем ничего не прося. Ни за что ни коря. Видно, в хоботы, лапы и когти судьба не даётся... Я с сидящей гривы срываю корону Царя! И реву от бессилья... А что мне ещё остаётся? [6].

В. С. Высоцкий:

***Я не люблю фатального исхода. От жизни никогда не устаю. Я не люблю любое время года, когда весёлых песен не пою. Я не люблю холодного цинизма, в восторженность не верю и ещё – когда чужой мои читает письма, заглядывая мне через плечо. Я не люблю, когда – наполовину, или когда прервали разговор. Я не люблю, когда стреляют в спину, я также против выстрелов в упор. Я ненавижу сплетни в виде версий, червей сомненья, почестей иглу, Или – когда всё время против шерсти, Или когда – железом по стеклу. Я не люблю уверенности сытой, – уж лучше пусть откажут тормоза. Досадно мне, что слово "честь" забыто и что в чести наветы за глаза. Когда я вижу сломанные крылья – нет жалости во мне, и неспроста: Я не люблю насилие и бессилье, – вот только жаль распятого Христа. Я не люблю себя, когда я трушу, досадно мне, когда невинных бьют. Я не люблю, когда мне лезут в душу, тем более – когда в неё плюют. Я не люблю манежи и арены: на них миллион меняют по рублю. Пусть впереди большие перемены – я это никогда не полюблю!

***Смеюсь навзрыд, как у кривых зеркал, меня, должно быть, ловко разыграли: крючки носов и до ушей оскал, как на венецианском карнавале! Вокруг меня смыкается кольцо – меня хватают, вовлекают в пляску, – так-так, моё нормальное лицо все, вероятно, приняли за маску. Петарды, конфетти... Но всё не так, – и маски на меня глядят с укором, – они кричат, что я опять не в такт, что наступаю на ноги партнёрам. За музами гоняюсь по пятам, но ни одну не попрошу открыться: что если маски сброшены, а там всё те же полумаски-полулица? Что делать мне – бежать, да поскорей? А может, вместе с ними веселиться?.. Надеюсь я – под масками зверей бывают человеческие лица. Все в масках, в париках – все как один, кто – сказочен, а кто – литературен... Сосед мой слева – грустный арлекин, другой – палач, а каждый третий – дурень. Один – себя старался обелить, Другой – лицо скрывает от огласки, А кто – уже не в силах отличить своё лицо от непрременной маски. Смеются злые маски надо мной, весёлые – те начинают злиться. За маской пряча, словно за стеной, свои людские, подлинные лица. Я в хоровод вступаю, хохоча, – И всё-таки мне беспокойно с ними: а вдруг кому-то маска палача понравится – и он её не снимет? Вдруг арлекин навеки загрустит, любуясь сам своим лицом печальным; что, если дурень свой дурацкий вид так и забудет на лице нормальном?! Я в тайну масок всё-таки проник, – уверен я, что мой анализ точен: и маски равнодушья у иных – защита от плевков и от пощёчин. Но если был без маски подлецом, носи её. А вы? У вас всё ясно! Зачем скрываться под чужим лицом, когда своё воистину прекрасно. Как доброго лица не прозевать, как честных отличить наверняка мне? – Они решили маски надевать, чтоб не разбить своё лицо о камни [11].

В. А. Моляко:

***Мы часто слишком поздно прозреваем, себя оберегая от трудов, и время в пустяках свое теряем, и каждый оправдать себя готов – тому тво-

рять мешают чьи-то тени, иному в тягость шум, иль тишина, а то, что пребываем просто в лени, так истина такая не видна. И я не избежал таких прельщений, хоть вроде бы и время не терял, но в праздности был настоящий гений, а свой талант бездумно закопал. Но Бог меня сподобил откровенья, и наступил познания ясный миг: к себе исполнен будучи презренья, я, наконец, моё в себе постиг – с прозреньем обновленной головою и, снявши самомнения глупый бант, дрожащими руками землю рою: ищу когда-то спрятанный талант.

***Не оскорбляйте человека взглядом нескромным, а тем более – злым: тот человек, что с нами рядом, имеет право быть иным. Он тоже часто жертва настроенья и грешных помыслов своих... Побольше нам бы всем смиренья не реагировать на них.

***Не спешите судить, не спешите. Так уж прав ли он – скорый суд? – потерпите, себя усмирите, пригасите карательный зуд. Там, глядишь, может так повернуться, вам случатся пропасти, рвы, не успеете оглянуться, – а уже подсудимый – вы.

***Вначале во дворы наши, в квартиры коней троянских введен был табун. Вещал среди нас, доверчивых и сирых, с отметкою бесовской злой колдун. А после все быстрее, все быстрее страна, устои – все пошло вразнос, и на кремлевской башни древней реe пиратский флаг заморский ветер вознёс. Порushены в наглейшем стиле нравы, над честностью хихикают лжецы. Все виды СМИ исполнены отравы. В сей чумный час пируют подлецы. На уровне животного рефлекса, что будоражит мышцы, а не кровь, в болото унизительного секса низведена с вершин своих любовь. Всяк добрый стал в стогу почти иголкой – творят из нас, творят – да еще как! – не волков даже, нет, совсем не волков, а злых без меры, бешеных собак. Так что же, братья, отступить и сдать? Ужель и впрямь совсем проигран бой? Нет, все же я уверен, что смеяться последним будет в будущем другой.

***Где сегодня душа человека? Это вовсе не праздный вопрос – ведь в начале бездушного века спрос на души так резко возрос. Ну, конечно же, на живые, – мёртвых тьма, их не надо искать – рвутся орды их страшные в Киев, увлекая всех нас – умирать. Не прийти бы сегодня к итогу (он ведь рядом уже, не вдали): наши души взмывают не к Богу, а во тьму через пятки ушли

***И вот заполонили Киев бесы – и днем и ночью слышен звук копыт. Лишь сатаны блюдутся интересы, а жизни смысл бессовестно сокрыт. Всё рушится в сознании, в стенах душ, и лица ближних стали как руины. Пустого взгляда всплеск – трусливый уж лишь иногда мелькнет среди сей картины. Бес правит бал. Над Киевом чума кружится стаяй мрачной чернокрыло. Вот, кажется, и смерть пришла сама и саваном, как стадо, нас накрыла. Еще чуть-чуть и все низринем в ад... Но колокол пронзил скопленья злые. И выстроились воинами в ряд восставшие из недр земных святые. – Их час пришел, их Бог привел на брань за нашу землю, и за наши души. И всяк, кто православный, с ними встань – быть среди них - ничто не будет лучше. Так возродись же, Киевская Русь! – И пусть добро опять пребудет с нами, как Матери покров пребудет пусть над Лавры золотыми куполами! [3].

...Как мы видим, поэтические произведения Валентина Алексеевича Моляко так же богаты и многогранны, как и его научные труды. Сам же он абсолютно уникален, как исследователь тайн и тайников душ человеческих, поверяющий алгеброй гармонию и вносящий гармонию духа в когнитивный аппарат современной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривин Ф. Хвост павлина / Ф. Кривин. – Ужгород : Изд. "Карпаты", 1988.
2. Уитмен У. Библиотека всемирной литературы. Стихотворения и поэмы / У. Уитмен. – М. : ИХЛ, 1970.
3. Моляко В. А. Контрапункт / В.А. Моляко. – Одесса, 2009.
4. Городницкий А. И вблизи, и вдали / А. Городницкий. – М., 1987.
5. Губерман И. Антология сатиры и юмора России XX века. Том 17. – М. : Эксмо, 2009
6. Рождественский Р. Собр. Соч. в 3-х томах. Стихотворения, Поэмы. Песни / Р. Рождественский. – М. : ИХЛ, 1985.
7. Кирсанов С. Зеркала / С. Кирсанов. – М. : ИХЛ, 1972.
8. Мандельштам О. Стихотворения / О. Мандельштам. – Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1998.
9. Басё. Японские трёхстишия / Басё. – М. : ИХЛ, 1974.
10. Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы. Большая библиотека поэта / Б. Пастернак. – М. : ИХЛ, 1976.
11. Высоцкий В. С. Я, конечно, вернусь / В.С. Высоцкий. – М. : «Книга», 1988.

Мициха Л. П. (м. Івано-Франківськ)

СЛОВО ПРО УЧИТЕЛЯ

Щоб жити, треба мислити і творити...

В. Моляко

Учитель... Це наймення повертає до життя безліч спогадів...

Вони з різним смисловим та емоційним наповненням, бо це слово торкається кожної людини, яка має свою історію.

Але з пам'яті ледь виринають потьмянілі з часом образи, яких вже згадати не сила. Натомість інші легко ретранслюються, так як несуть в собі емоційний відгук на особливі і яскраві події життя. Серед них є й образи, присутні завжди – тут і зараз, незалежно від плину часу, ходи історії та подій, що розгортаються у вирі життя.

Це образи тих Учителів, про яких пишемо з Великої літери. До них належить і Валентин Олексійович Моляко, якого вважаю своїм Учителем. Академік В.О.Моляко від тих Учителів, які залишають «безсмертний слід на піску часу» не тільки в науці.

Моя зустріч з Валентином Олексійовичем була не випадковою. Учитель з'являється тільки тоді, коли ти готовий до такої зустрічі. За Ним ідеш, бо віриш, віриш тому, що Він глаголить: «Зі мною нині істини відверті...». Але при цьому розумієш відповідальність, яку береш на себе – не просто бути: споглядати, слухати, брати даровані тобі творчі енергії, але й трансформувати їх, переломлювати через своє бачення, свою душу, серце (щоб не впали вони на терня та на скелясту дорогу).

Валентин Олексійович для мене, перш за все, Суб'єкт Творчості, багатогранний у своїй талановитості, ерудит з широким світоглядом, який охоплює усю поліфонічність наукових галузей знань (від точних наук до гуманітарних). Причому вектор інтересів Учителя спрямований одночасно на філософські, психологічні, технічні, педагогічні, літературознавчі, теологічні, історичні, політологічні та інші студії. Неабияка компетенція у царині мистецтвоз-